

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

но и сельского хозяйства и к перекачке средств из сельского хозяйства на другие нужды народного хозяйства.

Некомплексность в подготовке и проведении реформ, их направленность на одну—две отрасли также предопределяли их незавершенность, а вследствие тормозящего влияния бюрократического аппарата, который мог лишиться реальных властных привилегий, реформы обречались на неудачу.

Отсутствие заинтересованности населения в успехе реформ чаще всего было связано с психологической неготовностью к переменам, поскольку многие изменения оставались непонятными широким слоям народа, организационно подготовка большинства реформ была слабой, а уровень жизни населения напрямую не увязывался с успехом реформ.

Одной из причин задержки реформ является осознание чиновниками того, что демократизация в сфере экономических отношений подводит население страны к мысли о необходимости перестройки политической структуры общества.

На наш взгляд, российские реформаторы должны учитывать уроки прошлых реформ и стремиться нейтрализовать противодействие реформам со стороны бюрократического аппарата власти.

Р. М. Гусейнов

д.э.н., профессор

Н. П. Кащенко

к.э.н., доцент (г. Новосибирск)

ДРАМА РЕФОРМИРУЕМОЙ ЭКОНОМИКИ

Россия издергана резкими сменами социально-экономического строя. Двадцатый век в этом смысле — самый драматический период в многовековой истории России. Думается, что пережить в одном столетии несколько революций и контрреволюций, кардинально меняющих производственные отношения, — удел только очень богатой страны, населенной людьми с высокими адаптационными способностями. Бесконечные реформы приводят к тому, что российская экономика перманентно находится в «переходном состоянии», никак не дойдя до органичной целостности.

Особенно частыми были попытки реформировать экономику России в рыночном направлении. Со времен царя Алексея Михайловича таких попыток было более десятка. Но вот что удивительно: попыток было много, а результатов мало. Исследователям хорошо известен особый российский феномен: ни одна рыночная реформа не была завершена, ни одна не привела к созданию развитой рыночной системы в национальной экономике. Каждый раз очередной реформатор надеется, что именно он, именно сейчас сумеет сделать то, что до него не смог сделать никто. И каждый раз рыночные реформы или прекращаются, или медленно замирают, или заменяются попятным, а то и реакционным движением. Нет сегодня особого смысла в том, чтобы обсуждать верность

или неверность стратегии перехода к рыночной экономике. Примем за аксиому, что наша великая, а потому инерционная страна идет именно к рыночной экономике. Но отрицательные социальные результаты реформ могут привести к тому, что слабые ростки рыночных отношений сгниют, не развившись, и в очередной раз приведут к контрреформам.

В этом-то пункте и возникает весьма актуальная исследовательская задача: разобраться с вопросом о том, почему ни одна рыночная реформа в истории России не была доведена до своего логического конца, почему Россия так и не смогла войти полноправным членом в семью европейских народов, живущих в развитых рыночных системах. Позволим себе версию, объясняющую на гипотетическом уровне этот российский феномен. Если в результате рассмотрения этой версии хотя бы часть гипотез будет признана соответствующей историческим реалиям, то на этой базе вполне логично сделать определенные прогнозы по поводу судьбы нынешних рыночных реформ.

1. Все известные из истории рыночные реформы инициировались сверху правителями нашей страны, будь то царь, генеральный секретарь или президент. Собственно, реформы и должны инициироваться сверху. На то они реформы, а не революции. Не в этом главное. Главным является то, что *российские реформаторы начинали свои действия не сообразуясь с намерениями и желаниями граждан*. Возникал некий «провал» между реформаторской властью и народом, который зачастую абсолютно индифферентно относился к реформам и не испытывал никакой благодарности по отношению к их инициаторам. Формальное «всеобщее одобрение» на поверку оказывалось безразличием или даже саботажем.

2. Российские лидеры-реформаторы всегда очень серьезно относились к собственным способностям. В большинстве случаев они обладали поистине *харизматическим мышлением*. Люди, как правило, сильной воли, они были уверены в том, что именно на их долю пришлась «судьбоносная» задача переделки России. В принципе, реформаторы ставили перед собой благие цели: догнать Европу, достичь общецивилизационных параметров экономической и социальной эффективности, создать устойчивое общество с высоким уровнем благосостояния, сделать Россию мощной мировой державой. Но ради достижения этих целей они готовы были принести в жертву повседневные нужды граждан. Уверенные в своей божественной миссии, они лучше знали, «что нужно народу», во всяком случае, — лучше самого народа.

Но мессианский настрой, вызывающий в общем-то уважение, говорит и о другом. *Российские реформаторы не верили в творческие способности народа*, были уверены, что наш народ нужно куда-то вести, ибо сам он к этому чему-то не придет. Народолюбивая демагогия очень часто скрывает или презрительное отношение к народу или сугубо монархо-патерналистское отношение к гражданам как к неразумным детям, которые не обойдутся без наставника и учителя.

И уж конечно *харизматический лидер не верит в объективные законы общественно-экономического развития*. Даже если, как это было в случае с В. И. Лениным, много пишет о них. Идеализм наших реформаторов бьет в глаза. По их представлениям Россия пойдет туда,

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

куда укажет лидер, а не туда, куда должна идти в силу объективности самого этого движения.

Характерно, что столь «божественный» подход, даже если он и искренен, приводит к весьма наивному отношению к действительности. Самые решительные лидеры были и самыми наивными, часто принимавшие форму за содержание. Петр I всерьез считал, что безбородые россияне немедленно преобразуются в европейцев. А разве И. Сталин не верил в то, что он действительно построил социализм? Лексика и нынешних лидеров столь же высокопарна и не менее наивна¹.

3. Рассмотрим еще одну объективную социально-экономическую причину. Россия — особая страна, скорее восточная, чем западная, скорее азиатская, чем европейская. И экономика ее традиционно основана на некоторых элементах, позволяющих условно отнести социально-экономическую систему к «азиатскому способу производства». В России, как в целом на азиатском Востоке, *гипертрофирована роль государства в экономике*. А эта гипертрофия делает систему весьма инерционной и плохо приспособленной к рыночным преобразованиям. Значительное присутствие государства в экономике означает суженое поле для развертывания конкурентных рыночных сил. *Больше государства — меньше рынка*. Этот теоретический постулат никем не оспаривается.

Государство в России всегда (в течение всей ее писаной истории) было крупнейшим собственником средств производства и непродовольственных фондов. Государственная собственность — это не выдумка российских большевиков. Большевики лишь довели до абсурда, до крайностей тотального огосударствления те тенденции, которые были присущи России искони. *Рыночная же экономика не терпит столь мощного государственного присутствия*.

Естественно, что в России государство было крупнейшим инвестором капитала в производственную сферу. Инвестиции в социально-культурные институты и учреждения были обычным явлением еще со времен Киевской Руси. Понятно, что государство становилось и активным субъектом, перераспределяющим национальный доход, регулирующим финансово-кредитную сферу. Все это делало российскую экономику нерыночной.

Но в этом пункте возникала любопытная коллизия, характерная и для наших дней. Многим российским правителям было присуще обостренное чувство национальной гордости. Традиционная социально-экономическая «отсталость», чаще кажущаяся, чем действительная, от великих европейских держав периодически возбуждала их реформаторскую активность. Лидеры прекрасно понимали, что с экономической точки зрения попытке догнать Европу увенчаться успехом только с помощью рыночных преобразований. Некоторые из них такие преобразования решительно начинали. Но по мере того, как рыночные отношения действительно развертывались, появлялась относительно независимая от государства автоматическая саморегулирующаяся система, правитель и его окружение начинали осознавать роковые для них последствия: экономической власти у правителей становилось всё меньше. Они буквально кожей, на подкорковом уровне, чувствовали опасность рынка для себя. Потерявшим экономическую власть легко потерять и власть политическую. Их ненужность становилась опасно очевидной. И как только такая реальная коллизия

обнаруживалась, правители давали «задний ход», ограничивали степень радикальности рыночных реформ или даже свертывали их. А в некоторых случаях допускали реакционные попятные движения.

Маятникообразная форма реформаторства в России кажется неминуемой и закономерной. Попытки реформ Екатерины II сменились ее же, Екатерины, «откатом» и реакционной политикой Павла I, который довел самодержавную власть до абсурда; либерализм Александра I, соответственно, — его же реформаторской сдержанностью и «тоталитаризмом» Николая I, реформы Александра II — контрреформами Александра III. Но самый яркий хрестоматийный пример — это, конечно, нэп. Уходя в мир иной, Ленин оставил страну если не в цветущем, то в бурно развивающемся состоянии. Постепенно разрешались острые социальные противоречия. Появились инвестиции, а вместе с ними — занятость, доходы, определенный уровень социально приемлемого благосостояния в городе и деревне. На первый взгляд, восторжествовала экономическая целесообразность, перспективы были вполне оптимистическими. Но всё кончилось довольно быстро. Рынок оказался очень опасной системой для политической элиты и многочисленной советской бюрократии. Появилась угроза остаться не у дел. Эту опасность ощутили не только высшие руководители большевистской партии, но и руководители среднего звена, партийные функционеры. Когда же ощущения переросли в осознание, судьба нэпа была предрешена. К 1928 году все было кончено.

Некоторые симптомы, подтверждающие нашу гипотезу, проявляются и в наши дни. У нас нет оснований для положительной оценки позиции, на которой стояли в недавнем прошлом, скажем, Е. Гайдар или Б. Федоров. Их тактика оказалась безрезультатной, если под результатом понимать социально-экономическое положение граждан и мировую значимость страны. Но эти люди, свободно экспериментировавшие над многомиллионным населением, были ортодоксальными рыночниками. Благодаря их усилиям рынок все-таки появился. Однако едва заработали элементы рыночных отношений, как под давлением сил, которые и оппозиционными-то назвать нельзя, оба молодых реформатора были лишены реальной власти. Их заменили люди с умеренными взглядами, сторонники активной роли государства в экономике или представляющие интересы естественных монополий². Потом их вновь сменили на «рыночников». Мы пишем эти строки в сентябре 1998 года. К власти вновь приходят люди с не вполне рыночным мышлением — маятник продолжает качаться.

4. Наконец, еще одна причина перманентной незавершенности рыночных реформ в России лежит в зыбкой для экономистов сфере социальной психологии и нравственности. Складывающийся веками *нерыночный экономический дух народа* тоже вносит свою лепту в процессы, затрудняющие реформирование России.

Российскому народу с глубокой древности присущи такие нерыночные черты, как общинность, соборность, взаимопомощь, коллективизм и — обратная сторона этих позитивных характеристик — круговая порука. Рынок — система, основанная на индивидуализме, предприимчивости и риске. Истинный рыночный субъект не ждет помощи ни от государства, ни от общины, ни от родственников. В некотором смысле это

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

героическая личность, особенно когда дело касается собственного благополучия и бизнеса.

В России же за много веков так никто и не смог разрушить общинный дух, как, собственно, и коллективные формы быта. В этом пункте не следует применять этические термины, говорить о «лучшем» или «худшем» образе жизни. Просто мы живем по-другому, не так, как, скажем, американцы. Этой констатации в данном случае вполне достаточно.

Некоторые российские реформаторы пытались силой разрушить общину вплоть до применения отрядов полиции. Но община сохранилась. Она закреплена в душах людей генетически. А изменения на генетическом уровне происходят или очень медленно, веками, или катастрофически. Российские реформаторы чаще предпочитали второе.

Вспомним, что приступая к коллективизации, И. Сталин тоже применял общинную демагогию: жить и трудиться вместе при государственной помощи, — чем не «азиатский способ производства», чем не система огосударствленных общин? А ведь люди верили в жизнеспособность такой системы, ибо она существовала в России тысячу лет. Общинность, коллективизм и соборность создают основы для нерыночного духа русских трудящихся.

Воспитанию нерыночного духа способствовало и тысячелетнее господство в России православия с его нерыночной идеологией.

Характерно, что новейшие социологические обследования показывают, что дух коллективизма, товарищества, взаимопомощи даже в условиях уже продвинутой рыночной реформы остаются главными этическими ценностями российских трудящихся. В одном из таких обследований, проведенном в городе Новосибирске в 1997 году, были получены любопытнейшие результаты. Оказалось, что трудовые ценности, характерные для рыночной экономики, не столь важны для людей, живущих в условиях переходной неопределенности. Такие характеристики труда как хороший заработок и возможность роста квалификации, занимают у рабочих последние четвертое и пятое места в шкале трудовых ценностей. На третьем — возможность иметь надежное место работы. Отражением то ли нашего менталитета, то ли самолюбования респондентов является тот факт, что второе место большинство работников отдают полезности своего труда для общества. Безусловным же лидером в трудовых приоритетах является возможность иметь хороших товарищей по работе³. Это ли не общинный дух русского трудящегося?

Между прочим, опыт Японии показывает, что национальный общинный дух может быть успешно использован в современной индустриальной и даже постиндустриальной экономике. Кстати, в России этим духом нередко пользуются предприниматели в своекорыстных целях. В частности, когда слишком активизируется рабочее движение, когда недовольство существующим положением выливается в забастовки и другие формы конфронтации, предприниматели умело направляют недовольство трудящихся в сторону властных органов, отводя от себя энергию протеста.

Ограничимся этими четырьмя гипотезами. Если они имеют основания в реальной жизни, то легко придти к довольно скептическим выводам относительно возможности скорого построения рыночной капиталистической экономики в России.

Другой вопрос, надо ли вообще ее строить в то время, когда «ци-тадели капитализма» встали на путь посткапиталистического, а точнее — постиндустриального развития? Но это уже иная тема.

Ни Россию, ни ее экономику уничтожить невозможно. Нынешнее смутное время — не первое в истории нашей страны. И всегда трудности преодолевались, народ оживал, и все шло своим чередом. Правда, в истории России никогда не было проблем, подобных сегодняшним. Есть ли выход из создавшейся ситуации? Естественно, есть. Как это ни странно звучит, но все экономические задачи — типовые. Как правило, они уже где-то когда-то решались. Наша национальная «особость» не распространяется столь далеко, чтобы и кризисные явления у нас были особыми русскими.

Большинство экономистов высокого класса склоняются к тому, что единственным выходом из сложившейся ситуации является возврат государства в экономику в качестве активной экономической силы. Когда об этом говорят какие-то «провинциальные» российские экономисты, к их голосу можно не прислушиваться. Но давайте посмотрим, что по этому поводу пишут признанные авторитеты. 1 июля 1996 года «Независимая газета» опубликовала обращение одиннадцати выдающихся экономистов, российских и американских, трое из которых — лауреаты Нобелевских премий⁴. Позволим себе несколько выписок: «Российское правительство должно играть значительно более важную роль при переходе к рыночной экономике. Политика невмешательства государства, являющаяся частью «шоковой терапии», не оправдала себя... Основной упор «шоковой терапии» был сделан на частный сектор, но сегодня внимание должно сместиться на государственный сектор, активную деятельность правительства по перестройке промышленности, учреждению рыночных институтов и созданию условий для конкуренции... Многие из текущих проблем российской экономики возникли прямо или косвенно из-за того, что государство не сыграло надлежащей роли в организации рыночных отношений... Серьезные правительственные меры должны быть приняты для предотвращения процесса криминализации экономики. Пользуясь невмешательством правительства, уголовные элементы заполняют вакуум... Таким образом произошел переход не к рыночной, а к криминализованной экономике... Государственные меры необходимы для преодоления депрессии... Стабилизация российской экономики, восполнение ее серьезных потерь не могут произойти сами по себе, для этого государство должно возродить потребительский спрос, увеличив пенсии и зарплаты, а также возвратив по крайней мере часть сбережений, потерянных в результате инфляции, которая снизила покупательную способность рубля. Государству предстоит также обеспечить создание производственного капитала, изъям для этого инвестиции из непродуктивной сферы... Государство должно признать, что если и существует «секрет» рыночной экономики, то он состоит не в частной собственности, а в конкуренции. И, следовательно, на федеральном и местном уровнях оно должно способствовать созданию новых конкурирующих предприятий...». К сожалению, призыв ученых с мировыми именами не был услышан. Наука сегодня вообще не востребована. Кризисная экономика продолжает деградировать.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

В свое время К. Маркс предполагал, что противоречия капиталистической экономики будут разрешены, если уничтожить частную собственность. Нынешние реформаторы — марксисты со знаком минус — думали, что все сегодняшние задачи решатся с помощью введения частной собственности. Когда-то И. Сталин считал, что дело строительства социализма обеспечивается количеством *огосударствленных средств производства*. Нынешние сталинисты со знаком минус считают, что «строительство капитализма» обеспечивается количеством *разгосударствленных средств производства*. *Россия остается страной традиций*.

В результате так называемых рыночных реформ сузилась сфера товарно-денежных отношений; получили развитие бартерные сделки, прямой продуктообмен; все большее распространение получают денежные суррогаты; государство теряет контроль над движением денежных средств, что приводит к массовому оттоку финансовых ресурсов из реального сектора экономики, во-первых, и из страны, — во-вторых. Таким образом, результаты рыночных реформ входят в вопиющее противоречия с их целями.

Независимо от того, как скоро в нашей стране будет создана действительно рыночная экономика и с какой степенью развитости она будет функционировать, Россия наверняка останется великой страной, идущей по жизни несколько необычным путем, но в том же направлении, что и весь мир. Можно указать несколько причин этого оптимизма. Во-первых, Россия потенциально — самая богатая страна в мире. Во-вторых, наше население — самое цепкое и гибкое, способное приспособиться к любым условиям жизни, к тому же не изнеженное благополучием. Если в нашей стране и происходят какие-то позитивные изменения, то они становятся не столько результатом разумной экономической политики государства, сколько результатом адаптации граждан, предпринимателей, наемных рабочих, крестьян, интеллигенции к неразумной политике. В-третьих, наша страна пока еще уникальна по своему интеллектуальному потенциалу. Мир идет к формированию информационного общества, главным богатством которого станут знания. Если молодое поколение осознает это, нас никто и никогда не сможет покорить и, тем более, уничтожить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приведем, например, слова Б. Н. Ельцина: «Мне выпала на долю ответственная миссия вывести Россию из тоталитарного прошлого и привести ее в семью народов свободного мира, где каждый человек — творец своего счастья... Не скрою, мне бы хотелось, чтобы россияне запомнили меня как человека, который сделал все, что мог, чтобы навсегда освободить свой народ от наследия гражданской войны. Отныне пусть наша Россия будет родиной для всех своих сынов и дочерей, к какому бы лагерю они ни принадлежали, и да поможет нам Бог». — Независимая газета, 1994, 21 января.

² В. Черномырдин, Г. Хижа, О. Сосковец, А. Заверюха.

³ Гусейнов Р. М., Репина Е. В. Социальное партнерство или социальная конфронтация? // ЭКО, 1997, № 8. — С. 152 — 153.

⁴ Российские экономисты: академики РАН Леонид Абалкин, Олег Богомолов, Валерий Макаров, Станислав Шаталин, Юрий Яременко, Дмитрий Львов. Американские экономисты: лауреаты Нобелевской премии Лоренс Клей, Василий Леонтьев, Джеймс Тобин, профессора Майкл Интрилигейтор, Маршалл Поумер.

А. В. Никулина
аспирант (г. Иркутск)

МЕСТО И РОЛЬ ВЗГЛЯДОВ П. И. ПЕСТЕЛЯ И Н. И. ТУРГЕНЕВА В ИСТОРИИ РЕФОРМОВЕДЕНИЯ

Россия конца 90-х годов переживает тяжелейший кризис. Его обострение во всех формах проявления (экономической, социальной, политической) мы связываем с тем, что он совпал с кризисом цивилизационным. Переход к рыночной экономике — это не выдумка антикоммунистов или политиков, стоящих у власти в России. Это объективная необходимость, обусловленная сменой индустриальной ступени цивилизации постиндустриальной. Поскольку рынок был во всех цивилизациях, то сущность современного переходного периода сводится не к переходу к рынку вообще, а к переходу к цивилизованному рынку, адекватному реалиям экономической жизни развитых стран конца XX столетия.

Российская научная мысль ищет ответы на вопросы о перспективах развития России, выходе ее из сложившейся ситуации, трансформации общества и экономики. Существуют две полярные точки зрения на эти процессы. Первая основывается на революционном подходе, при котором переходные процессы рассматриваются как борьба нового со старым, разворачивающаяся как следствие социально-политических революционных преобразований. Согласно другой точке зрения, переходные процессы представляют собой естественные, закономерные эволюции общества и хозяйства в ходе исторического развития.

На наш взгляд, Россия сегодня нуждается не в очередной революции, а в деловой и рассудительной реформации. Именно поэтому нам импонирует вторая точка зрения на содержание переходных процессов. Более того, крайне неудачное проведение ряда реформ в России в XX столетии показывает необходимость разработки научного направления, которое можно было бы назвать *реформоведением*.

Составной частью методологической основы реформоведения, по нашему мнению, может послужить наследие лидеров декабристского движения, прежде всего П. И. Пестеля и Н. И. Тургенева. К сожалению, традиционные оценки декабристов как *революционеров* на долгие годы затмили главное в их замыслах — желание после захвата влас-